



Фридрих ГОРЕНШТЕЙН

## ШЕСТОЙ КОНЕЦ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

*Литературный анализ "Протоколов Сионских мудрецов"*

Антисемитской литературы в Советском Союзе не существует. Ее заменила литература антисионистская. Имея общую основу, общие литературно-политические приемы, общих друзей и общих врагов, она в то же время обладает существенным отличием. Литература эта возникла и развилась под давлением государственной цензуры, призванной сглаживать противоречия между высоконравственной теорией и безнравственной практикой. Будучи опекаема и поощряема властью, она в то же время вынуждена добиваться желаемого результата пропагандистскими намеками, пропагандистскими ухмылками, пропагандистским подмигиванием и пропагандистскими недомолвками. Это ее тяготит, это ей мешает, но в то же время отсутствие "свободы творчества", запрет на ядро антисемитской пропаганды — слово "жид" — и необходи-

мость мягкого обхождения со словом "еврей" делают ее более изворотливой и более неуязвимой. Именно поэтому советская антиссионистская литература является в нынешнем мире важнейшим, если не краеугольным, камнем международной антисемитской пропаганды любого направления, в том числе и пропаганды антикоммунистического, антибольшевистского антисемитизма.

Об ахиллесовой пяте антисемитской литературы писал еще в конце прошлого века знаменитый русский философ, основатель русской религиозной философии 20-го века Владимир Сергеевич Соловьев. "Самый легкий способ для убеждения в неправоте антисемитизма состоит в том, чтоб последовательно и внимательно читать наши антисемитические газеты".

Этого, однако, "удовольствия" современный читатель лишен, а чтение антиссионистских брошюр и статей вызывает противоречивое чувство. В чем тут дело? Старые антисемитские газеты, существовавшие в условиях сравнительной свободы печати, стремились к ясному, прямому изложению своих взглядов. Провокация в литературе подобного рода использовалась и прежде, но она играла при наличии контроля со стороны общества подсобную роль.

Слово "провокация" происходит от латинского *provocatio* — вызов. Вызов требует ответа, полемики. Однако провокация в ее современном звучании не есть латинская дуэль мнений и взглядов. Ее цель не получить ответ, а посеять сомнение, поставить бесконечное число вопросов. Провокаторам всех направлений никогда не удавалось что-либо доказать. Но как раз доказательства им и не нужны. Даже доказательства собственной правоты им были бы во вред, ибо доказательства требуют хоть какой-то логики, требуют проявления элементарного разума. Если же говорить языком литературы, провокатору нужно побольше "но", побольше "диалектики", побольше запятых и поменьше точек. Речь, разумеется, идет не о чистописании. Мысли человеческие тоже подчинены определенным правилам грамматики.

Именно на эти правила словесности рассчитывали те, кто пустил в мир "Протоколы Сионских мудрецов", — переход-

ное звено от старой антисемитской пропаганды к ее новым современным антиссионистским формам.

О черносотенном происхождении "Протоколов" с момента их появления писали много и убедительно. Но... Современный русский советский читатель знает о них понаслышке, знает только тезисно, знает митингово просто, как о документе, в котором излагаются планы евреев по захвату власти над миром. Тексты "Протоколов" в основном доступны только антиссионистскому агитпропу, авторам антиссионистских брошюр. А такое положение сеет сомнения даже у тех, кто относится к антисемитам и их антиссионистским потомкам отрицательно. Особенно если выясняется не без помощи намеков и подсказок, что "Протоколы" вызвали к себе внимательное отношение со стороны ряда американских сенаторов, со стороны французских правительственных чиновников, что тексты "Протоколов" зарегистрированы и приняты для хранения в столь авторитетном учреждении, как Британский музей, поставившем на них свою печать.

"Конечно, — думает такой читатель, — кто заинтересован в появлении "Протоколов", ясно". Впервые они увидели свет в книге махрового черносотенца, обрусевшего литовца Нируса под названием "Еврейская опасность". Но не использовал ли антисемит в своих целях действительно еврейские документы?

Такое сомнение вполне оправдано. В конце концов, в человеческом сообществе евреи не составляют исключения, как бы антисемиты и еврейские шовинисты не пытались доказать обратное. Среди евреев были и средневековые фанатики, и сумасшедшие, и озлобленные мечтатели. А кровавая и унижительная история еврейского народа, отсутствие самостоятельной жизни вне религиозных рамок, вне Талмуда, в окружении насмешек и ненависти, вполне могла создать и создала тягу к лжемессиянству, объяснению всеобщей вражды своей исключительностью, воспитанию наклонностей к тирании среди общинной верхушки внутри гетто.

Вот описание отлучения от еврейства Бенедикта Спинозы.

“Наконец наступил день низвержения и огромная толпа собралась, чтоб присутствовать при этом мрачном обряде. Начали с того, что молча и торжественно зажгли установленное количество черных свечей и открыли Скинию Завета, в которой лежали книги Моисеева Закона. Этим путем воображение верующих было подготовлено к восприятию ужасов в дальнейшем. Верховный раввин, друг и учитель, а теперь злейший враг осужденного должен был привести в исполнение приговор. Он стоял полный скорби, но непреклонный, а народ напряженно смотрел на него... Вдруг черные свечи перевернулись и тающий воск их капля за каплей начал падать в большой сосуд, наполненный кровью... Когда замолкли слова проклятия, все свечи сразу окунулись в кровь. Раздался возглас благоговейного ужаса и проклятие прокричали все присутствующие. В наступившем мраке все изрекли — аминь, аминь, — подтверждая торжество проклятия”.

Подобные картины антисемиты и антисиионисты любят вписывать в свои статьи и брошюры, чтоб мрачными образами еврейского средневековья разукрасить и подтвердить свои скучные, однообразные обличения. Но все-таки, может, “Протоколы” родились именно здесь, в глубинах еврейской общины, “под прикрытием еврейского жаргона”, как изволил выразиться один из функционеров международного антисемитизма? Здесь, где, по словам философа Соловьева, “вдохновенное пророчество окончательно переродилось в рассудочное и кропотливое учительство, раввинизм”? Или, может, “Протоколы” связаны с современным еврейством, вырвавшимся за ограду вокруг Закона, которую трудолюбиво возводили раввины? Может, это продукт еврейства, увлекшегося социализмом? На все эти вопросы ответ дадут только сами тексты. Ведь “Протоколы” не только политические, но и литературные творения. А литература — это стиль. А стиль — это автор.

## ВСЕЛЕНСКИЙ ЗАГОВОР

И вот тексты перед нами. Пусть не полно, фрагментарно, но эти тексты даны в книге американского автомобильного короля под названием “Международное еврейство”. Ну что ж, почему бы Генри Форду, промышленнику и миллионеру, по совместительству не выступить в качестве комментатора литературно-политического сочинения. Тем более что сам авто-

мобильный король понимает, что комментатору прежде всего необходима объективность. В предисловии к книге "Международное еврейство" сказано:

"Читатель, мы надеемся, должен будет признать, что весь тон этого исследования основан на фактах и соответствует его предмету. Мы приводим факты, как они есть, и это обстоятельство должно явиться для нас достаточной защитой от упрека в предубеждении и возбуждении ненависти".

Какие же это факты? Прежде всего совершившаяся в России Октябрьская революция. Как она совершилась? Международное еврейство сначала назначило правителем России еврея Керенского, Александра Федоровича. Но поскольку Керенский со своими обязанностями не справился, его с работы сняли и заменили евреем Троцким, Львом Давидовичем. Уже из данного откровения можно сделать вывод, что Форд, несмотря на свои заверения в объективности, стоит на пристрастных позициях антисемитизма-антибольшевизма. Но это не политический антибольшевизм Маклакова, не интеллектуальный антисемитизм Розанова, а, скорее, их пещерный вариант атамана Краснова, усиленный мировоззрением американского провинциала, дурно представляющего себе, согласно Салтыкову-Щедрину, "географические границы Российской империи". Теперь, когда комментатор помог прояснить свою позицию, самое время взглянуть на то, что он комментирует.

"Вот что, между прочим, писал Герман Бернштейн в "American Hebrew" от 25 июня 1920 года: "Приблизительно год назад один чиновник министерства юстиции показал мне рукопись некоего Нилуса "Еврейская опасность" и просил меня высказать мое о ней мнение. Он мне сказал, что эта рукопись представляет собой перевод русской книги, вышедшей в 1905 году, которая впоследствии была изъята из обращения. По-видимому, рукопись представляла собой "Протоколы Сионских мудрецов" и была прочитана, как предполагают, доктором Герцлем на тайной конференции сионистов в Базеле. Чиновник сказал мне, что, по его мнению, рукопись является сочинением доктора Герцля. Далее он упомянул, что многие американские сенаторы, которые знакомились с рукописью, были поражены, увидев, что евреями за столько лет вперед был выработан план, ныне осуществившийся, и что большевизм за много лет вперед замыслился евреями с целью разрушения мира".

Каков же этот план, как изволил выразиться мистер Форд, "порабощения нееврейского человечества"? План этот действительно охватывает широкий круг вопросов. Здесь и мо-

раль, и проблемы государственного устройства, и философия, и проблемы молодежи, и проблемы семейной жизни, и духовенство, и политэкономия, и пресса, и литература. Всего 24 документа. Работа проделана большая. Форд пишет:

“Весь план направлен против всех народов мира, которым дается общее имя “неверных”. И действительно, в первом же “Протоколе” заявлено: “С целью скрыть истинное положение вещей от неверных, дабы это не стало им известно раньше времени, мы замаскируем наши планы, якобы стараясь улучшить положение рабочего класса, и будем проповедовать новые великие экономические принципы. Этим путем, на почве наших экономических теорий вырастет оживленное разногласие”.

“Эта выдержка, — комментирует Форд, — ясно знакомит нас со стилем”.

Да, литературный стиль весьма знаком. Но не будем торпиться, почитаем далее.

“Драгоценные качества народов — честность и чистосердечие — в политике должны почитаться пороками, так как они ведут к погибели вернее и несомненное, чем злейший враг. Эти качества являются отличительными признаками политики неверных. Мы не будем руководствоваться ими”. В том же первом “Протоколе”: “Уже с древних времен мы первыми бросили в массы лозунги: “Свобода, братство и равенство”. С тех пор избиратели, подобно попугаям, повторяли их бесчисленное количество раз. Люди со всех сторон стекались к этой приманке и этим уничтожили благополучие человечества и истинную свободу личности. Считавшиеся умными и рассудительными среди неверных не поняли всей двусмысленности этих слов, не поняли их внутреннего противоречия, не увидели, что в природе нет равенства”.

“Если бы они (“Протоколы”), — пишет Форд, — являлись подделкой, за которую их выдают еврейские подголоски, то лица, их подделавшие, не преминули бы подчеркнуть их еврейское происхождение настолько ярко, чтоб антисемитская цель их бросалась каждому в глаза”.

Антисемитский подголосок Форда демонстрирует тут определенную наивность суждений. Это мы отметим по ходу и двинемся далее.

“Еврейская защита больше всего настаивает на том, что документы эти исходят из России. Это неверно. Они только совершили свой путь через Россию. Помещены они были в русской книге ученого Нилуса, который сделал попытку пояснить эти “Протоколы” примерами из русской жизни. Внутреннее содержание “Протоколов” ясно доказывает, что они написаны не русским и первоначально не на русском языке и не под влиянием русской обстановки”.

Создается впечатление, что автомобильный король провел свое босоное детство на проселочных дорогах Курской или

Тульской губернии. А между тем, судя по всему, он и газет-то русских сроду не читал. Никогда не знакомился он с фельетонами из "Гражданина" князя Мещерского, передовицами из "Нового времени" Суворина, памфлетами из "Двуглавого Орла", корреспонденциями из "Киевлянина". Никогда американский миллионер не писал в тамбовской гимназии вольного изложения на политико-идеологические темы из романа Достоевского "Бесы". Потому-то не может он оценить действительного своеобразия литературного стиля "Протоколов". А именно: создаваемый в "Протоколах" образ врага народов мыслится по абсолютной величине так же, как наши "спасители человечества", "неверные" черносотенцы, но со знаком минус. В приведенных двух небольших отрывках видно, а далее это станет совершенно ясно, что свои зловещие идеи "сионские мудрецы" постоянно сами стараются дискредитировать словечками типа "якобы", "так называемые" и т.п. И одновременно "неверным", то есть черносотенцам, они адресуют дифирамбы и комплименты: "Драгоценные качества народов — честность и чистосердечие... эти качества являются отличительными признаками политики "неверных". То есть наших антисемитов. Приписывание евреям лозунга Французской революции: "Свобода, равенство, братство" стало общим местом черносотенной печати. Но в "Протоколах" этот лозунг дискредитируют сами "сионские мудрецы", называя последователей его попугаями и объявляя приманкой, уничтожившей "благополучие человечества и истинную свободу". В седьмом "Протоколе" записано:

"Повсеместно провозглашена так называемая свобода совести. Благодаря этому крушение христианской религии является лишь вопросом времени. Уже давно мы стремимся к тому, чтобы дискредитировать духовенство неверных, которое могло бы нам сильно мешать".

## "СИОНСКИЕ МУДРЕЦЫ" ПРОТИВ ЛИБЕРАЛОВ

Однако особенно невзлюбили "сионские мудрецы" либералов. "Делаем выписку из пятого "Протокола", — заявляет комментатор Форд. Хорошо. Он выписал, а мы почитаем.

"Под нашим влиянием разумное применение закона доведено

до минимума. Уважение к закону должно быть поколеблено при помощи "либерального" толкования, которое мы ввели в этой области". Слово "либерального" международные злодеи "сионские мудрецы" почему-то берут в кавычки, подобно самому заурядному черносотенному трудяге-репортеру. Но на этом карикатурное изображение либералов "сионскими мудрецами" не кончается. В десятом "Протоколе" говорится:

"После того как мы внесли в организацию яд либерализма, она приняла совсем другой политический образ".

Из данного протокола видно, что "сионские мудрецы"-отравители уже тогда были "убийцами в белых халатах" и уже тогда их амбиции не опускались ниже правительственных учреждений "неверных".

"Для того чтоб раньше времени не разрушать совершенно аппарат управления неверных, мы авторитетно наложили на него свою руку и нарушили лишь правильность работы его механизма. Раньше он работал точно и в полном порядке, но мы заменили его "либерально"-дезорганизованным партийным управлением. Мы приобрели влияние на судебные решения, избирательное право, прессу, свободу личности — и самое главное — на воспитание и культуру — эти краеугольные камни человеческого бытия".

Каковы же методы "сионских мудрецов" в области воспитания? "Теоретическими и практическими методами воспитания, которые мы сами, конечно, считаем ложными, но которые мы все-таки внушили, мы направили молодежь неверных на ложный путь, засорили ей головы и понизили ее нравственный уровень". Но чем же конкретно? В распоряжении "сионских мудрецов" самые неожиданные средства, вплоть до спортивной одежды. "Разве наши молодые люди, — пишет комментатор протоколов Генри Форд, — сами изобрели теперешнюю спортивную одежду, которая оказала такое вредное влияние на современную молодежь? Этот стиль вышел из еврейских магазинов готового платья. Посмотрите на этих наших разодетых молодых людей и девушек с их пошлой внешностью, с их отсутствием всякого чувства ответственности. Начиная от их костюмов и фальшивых камней и кончая их болезненно возбужденными мыслями и желаниями, вы можете сказать о них: "Созданы, развращены и эксплуатируются евреями". Вот какое жуткое освещение дают современные факты цитате, гласящей: "...методами воспитания, которые мы сами, конечно, считаем ложными, но которые мы все-таки внушили..."

"Выходит, — с горечью пишет Форд, — что одни производят безделушки, вместо того чтоб заняться выработкой стали, а другие фабрикуют всякую дрянь вместо того, чтоб работать на хуторах".

По всему видно, что, несмотря на свой патологический антибольшевизм, у современных советских идеологов-антисионистов Форд вполне мог бы заслужить эпитет "трезво-

мыслящий”, а может даже, и был бы назван “прогрессивным представителем деловых кругов Запада”. Например, его обличения буржуазного кинематографа вполне могут быть опубликованы “Литературной газетой”.

“Кинематограф представляет собой интересное сочетание фотографии с театром, но кто несет ответственность за его вырождение, которое сделало из него моральную опасность для миллионов людей, опасность столь большую, что она возбудила общее беспокойство и осуждение людей”.

На этот вопрос отвечает другой антисемит-антибольшевик атаман Краснов в своем многотомном сочинении “От Двуглавого Орла к красному знамени”.

“Он (герой Краснова, офицер Саблин, – Ф.Г.) шел по Невскому глубоко взволнованный. Кинематограф, а их было сотни на самом Невском и на Литейном и на Загородном и на Забалканском и всюду и везде нагло пестрыми буквами и громадными картинками и плакатами кричали заманчивые названия и смысл их был: “Пролетарии всех стран соединяйтесь!” Вон с угла какого-то переулочка наглыми хлесткими огнями кричит он: “Только для взрослых”. И толпа солдат, юных и безусых, толпа мальчишек и девочек-подростков вываливает из его гостеприимных дверей на улицу. Слышны смелые шутки и смех, в которых нет стыда. Мальчик лет четырнадцати нагнулся к уху девочки-подростка и напевает на всю улицу: “Как тебе не стыдно, панталоны видно...” Здесь соблазняли малых сих, заплывивали их юные сердца, но никто не навешивал на соблазнительей жернова и не бросал их в морскую пучину. Молчали писатели и художники, потому что это было либерально! Это шло под лозунгами социализма и говорить против этого было не выгодно!!”

Так, двумя восклицательными знаками отвечает на вопрос автомобильного короля Форда казачий атаман Краснов. Причем там, где Форд теоретизирует, Краснов рубит с плеча.

– В бредни о массонах, которые распространяют черносотенцы, уверовали? Недаром я видел, как вы зачитывались “Сионскими протоколами”. Но ведь вы знаете, что они подложны?

– Совершенно верно-с. Подложны-с. Но мысли, мыли не подложны... Наверху у нас все жида-с... Евреи... Маркс – еврей, Троцкий, Зиновьев, Радек, все они-с... Ведь это уничтожение христиан... Убивали лучших... Возьмите опять Столыпина. Что ж, разве хутора не нравились крестьянам? Убили... Государство исчезнет, и люди станут рабами у еврейства.

Но тут появляется некий Бродман, собирательный образ “сионского мудреца”. “Он поздоровался и стал на фоне окна, опираясь на подоконник и скрестивши на груди руки”.

Приняв позу опереточного пророка, он заговорил в стиле "Протоколов" с некоторой, правда, беллетристической вольностью, придавшей речи привкус жаргончика из анекдотика.

"Ой! Как хорошо! Ну вы, конечно, знаете – война..." или:

"Любовь? Станный вы человек... Любовь – это похоть... Вы, вероятно, помните "Бездну" Леонида Андреева? От "Крейцеровой сонаты" Толстого к "Бездне" Леонида Андреева и "Санину". Санин – идейный большевик, и такими мы должны стать.

– Зачем?

– Как зачем? А чтоб наплевать в самое сердце людей, вытравить из него все, что влечет их на подвиги. Благородство, честность, вера, чувство долга – все свиньям под хвост. И лучшего из говев убей. Мы дали вам бога, мы дадим вам царя!"

Мы видим, что необходимая для нации общность языка вполне соблюдается. Международные антисемиты составляют единую расу с общим мышлением и единым запасом слов. Крайне узок и круг идейно-"художественных" образов. Поэтому идея "царя" обязательно должна выскочить и у Генри Форда. Впрочем, какое-то чисто профессиональное своеобразие все-таки существует. На вопрос, кто спасет человечество, отвечают по-разному. "Офицеры! – восклицает атаман Краснов, – вот кто придет и спасет Россию! Офицеры, как некогда Христос, возьмут вервие (пушки, винтовки, шашки) из места, где совращают народную душу".

"Нееврейские капиталисты спасут, – в свою очередь утверждает Форд, – трезвомыслящие представители делового мира Запада".

Да, погибший талант, этот антисионист Краснов, не разобравшись в политической обстановке, не смог стать трезвомыслящим черносотенцем, подобно Шульгину. А ведь по многим параметрам подходил к "Воениздату" или "Нашему современнику", мог стать в одну шеренгу с офицером Иваном Шевцовым или мичманом Пикулем. В чем же ошибка? В том, что атаман, как черт от ладана, шарахался от слов "красное знамя", "большевики", "советы", а Шульгин взял да к этим словам и пригляделся повнимательней. Не в их текущем значении. а в их исторической перспективе.

## НИЦШЕ, КАТКОВ И ЕВРЕИ

Пора, однако, возвращаться из счастливого будущего к мрачному прошлому, то есть к текстам "Протоколов". "Сионские мудрецы" не были бы таковыми, если бы задумав развратить молодежь, оставили бы в покое семью. В десятом "Протоколе" говорится:

"После того как нам удастся внушить каждому мираж приоритета его собственной личности, мы разрушим влияние и воспитательное значение семьи неверных". "Дети, — комментирует Форд, — почти лишены в наше время возможности свободно играть, их игры протекают не иначе, как под надзором назначенных руководителей, между которыми, по странному стечению обстоятельств, поразительно большое число евреев. А юноши слушают лекции о свободе пола еврейского либерала".

Весь этот вселенский заговор сионистов, или попросту, показачьи, по-атамански говоря, — "жидов-с" покоится на трех китах от философии. Во втором "Протоколе" сказано:

"Пока наступит время, пусть себе утешаются. Пускай все жизненные теории которые неверные почитают за законы, обоснованные на науке, продолжают играть главную роль в их жизни. Обратите внимание на то значение, которое приобрели дарвинизм, марксизм и философия Ницше благодаря нашим стараниям. Деморализующее влияние этих учений на духовный строй неверных является для нас вполне ясным".

Почему "сионские мудрецы" взяли себе в философские пророки Маркса, понятно. Понятно и почему современные марксисты стали антисионистами, хотя еще не пришло время для лекций на тему: "Кто распял Карла Маркса?". Почему в подручных у сионистов оказался Дарвин, тоже понятно. Дарвин доказал, что от обезьяны произошли не только нынешние евреи, но и нынешние антисемиты. Однако, почему среди "жидов-с" затесался Фридрих Ницше? Антисионист Адольф Гитлер, правда, впоследствии Фридриха Ницше посмертно реабилитировал. Однако вопрос вражды между Ницше и ранними антисемитами требует пояснений.

Дело в том, что антисемит-антисионист периода написания "Протоколов" был еще, подобно дворянским революционерам-декабристам, "страшно далек от народа". Он был еще слишком погружен в клерикально-дворянское прошлое.

Свою практическую деятельность он осуществлял с дубинами и хоругвями в руках. А почетным председателем "Союза русского народа" состоял Иисус Христос, который мыслился наподобие вселенского атамана. Ранний антисемит-антисионист периода написания "Протоколов" еще плохо осознавал свое будущее и свою подлинную природу, не осознавал, что свою истинную опору он может приобрести только спустившись в нижнее сословие и став на классово-расовые позиции.

Ницше выступал против старых нравственных понятий, и дворянского антисемита это пугало. Он еще не понимал, что будущее антисемитизма связано с национальным социализмом, с тем самым пролетариатом, в адрес которого он метал громы и молнии. Недаром князь Мещерский, редактор "Гражданина", объявившего, что евреи не люди, а нечистые насекомые, или зловредные бактерии, подлежащие истреблению, послал благодарственную телеграмму Бисмарку, объявившему социализм вне закона. Этот государственный акт Бисмарка, напугавший европейских немецких антисемитов, привел в восторг азиатского русского антисемита. Подобная ошибка, кстати, вновь возрождается в наше время, особенно среди русских антикоммунистов-антисемитов. Опять делается попытка проклясть социализм, объявив его еврейской выдумкой, и вернуться к старому доброму христианскому антисемитизму.

По этому поводу хочется привести слова философа Соловьева, отнюдь не либерала, наоборот, относящегося к либерализму недружественно, монархиста, отдающего предпочтение теократии перед демократией. "Я не стану повторять здесь рассуждений, которые не могут иметь никакого значения для антисемитов. Кто проповедует огульную вражду к целому народу, тот тем самым показывает, что христианская точка зрения потеряла для него свою обязательность". Антисемит Форд сам обнаруживает свою антихристианскую суть, заявляя: "Эти статьи свободны от туманных настроений любви ко всякому ближнему", то есть высмеивает основной постулат христианства не хуже Юлиана Отступника.

Известный русский публицист конца прошлого века М.Н.

Катков, который тоже отнюдь не был либералом, человек националистических, консервативных взглядов, высказывается еще более определенно уже не о моральных, а о политических целях тех, кто возбуждает вопрос "не только о еврействе в России, обо всем на свете", называя эти действия политической интригой и спрашивая: "Не становимся ли мы в слепом увлечении исполнителями злоумышленного заговора?"

То есть те, кто кричат о всемирном еврейском сионистском заговоре, по сути замышляют свой всемирный антисемитский заговор. Поджог рейхстага в Берлине и "дело врачей" в Москве подтвердили историческую правоту дальновидного публициста. Но даже если отбросить здравый смысл (который для антисемита всегда был опасен, ибо это могло привести к душевному крушению и раскаянию, подобному тому как случилось в конце концов с Розановым), если опираться не на суть христианства, не на Евангелие, а на обряд, то и это вряд ли в нынешнем мире способно по настоящему поддержать антисемита. Утрата клерикальным христианством политической власти над социальными низами есть процесс необратимый. Только социализм, причем не в его экономическом смысле, уменьшающем напряжение между разными сословиями, а наоборот, в его политическом значении, перестраивающем структуру общества и возводящем в правящее сословие социальные низы, только политический социализм может быть для антисемитов-антисионистов подлинной основой. Так что в 20-ом веке пусть оппозиционный антисемитизм оставит надежды на хоругви и надеется только на знамена.

Антисионист Гитлер, сам выходец из социальных низов, правильно понял значение политического социализма для антисемитов. Но его реабилитация и даже возвеличивание Ницше лишний раз подчеркивают личный элемент в социальной теории. Всякий, кто внимательно глянет на фотоизображение Гитлера, должен осознать, что мы имеем дело с субъектом, любившим вертеться перед зеркалом. Субъектом, обладавшим отнюдь не арийской внешностью румынского парикмахера или югославского кельнера, однако воображавшим себя в доспехах древнеримского легионера-сверхчело-

века. О подобном ли ряженом парикмахере-сверхчеловеке говорил Ницше?

В вышедшей в 1908 г. в Париже работе Леона Пино "Эволюция романа в Германии в 19-ом веке" сказано: "Социализм имел результатом Ницше, то есть протест личности, которая не хочет исчезнуть в анонимате, против нивелирующей и все захватывающей массы, восстание гения, отказывающегося подчиниться глупости толпы". А антисемит всегда представлял интересы толпы, даже если он состоял отпрыском королевской династии.

Отбросив крайности, которыми изобилует теория Ницше, можно сказать, что это была болезненная реакция культуры на грядущие социальные уродства. Слепой инстинкт подсказал незрелым антисемитам, что Ницше их враг. Однако взгляд зрелого антисемита-социалиста видел все предметы на свой манер, подобно первобытному дикарю, умевшему подмечать внешнюю сторону окружавшей его действительности, но совершенно лишенному способности понять ее содержание. Современный же черносотенно-фашистский дикарь отличается от своего первобытного собрата тем, чем лишенный ума ребенок отличается от великовозрастного безумца. Суждения первобытного дикаря, как и суждения ребенка, при всей их внешней стороне тонки и своеобразны, тогда как суждения великовозрастного безумца смешны и примитивны. Цитаты из "Протоколов", а также комментарии апологетов лишней раз подтверждают это.

"Если бы даже так называемые "Протоколы Сионских мудрецов" были не чем иным, как литературной достопримечательностью, — пишет Генри Форд, — все же они должны обладать магической притягательной силой, благодаря жуткому совершенству изложенной в них мировой программы. Однако мнение, что они являются не чем иным, как литературным произведением, опровергается самим их содержанием. Вот цитата из восьмого "Протокола": "Мы должны окружить наше правительство множеством политэкономов", — политическая экономия является главной наукой, которую преподают евреи. "Мы окружим себя блестящей толпой банкиров, промышленников, капиталистов и в особенности миллионеров, так как все будет зависеть от могущества денег".

"Говорят о еврейском вопросе, — пишет философ Соловьев, — но в сущности все дело сводится к одному факту, вызывающему вопрос не о еврействе, а о самом христианском мире. Этот факт может быть

выражен в немногих словах. Главный интерес в современной Европе — это деньги. Евреи — мастера денежного дела, естественно, что они господствуют в современной Европе. После многовекового антагонизма христианский мир и иудейство сошлись наконец на одной общей страсти к деньгам. И вот мы видим, что просвещенная Европа служит деньгам, тогда как иудейство заставляет служить себе и деньги, и преданную деньгам Европу”.

Задолго до возникновения современного капитализма Шекспир в образе Шейлока показал человека, привязанного к деньгам отнюдь не ради одной их материальной пользы, а как к средству обрести равные гражданские права с тем христианским рыцарством, которое видит в деньгах лишь способ для личных наслаждений. Разумеется, моральные качества и тех и других оставляют желать лучшего, и в дантовом аду накопитель и расточитель находятся рядом. Однако не в царстве теней, а в царстве плотских тел накопительство, помимо личной, приносит еще и общественную пользу, служит благу государства, тогда как феодально-рыцарское расточительство ведет к личным материальным благам и общему унижению.

Сам Форд, правда, ради своих целей вынужден признать: “Уместно будет остановиться здесь на одном своеобразном явлении, неразрывно связанном с преследованием и переселением евреев из страны в страну в Европе. Где бы они не появлялись, туда как бы переносился за ними и узловой пункт делового оборота. Пока евреи пользовались свободой в Испании, там находился денежный мировой центр. С изгнанием евреев Испания потеряла свое финансовое значение и уже не вернула его более никогда... Изобретением фондовой биржи мир также обязан еврейскому финансовому таланту. В Берлине, Париже, Лондоне, Франкфурте, Гамбурге евреи оказали преобладающее влияние на первые фондовые биржи, а Венеция и Генуя в древних донесениях прямо называются “еврейскими городами”, с которыми можно было вести большие торговые и финансовые дела. Английский банк был основан по совету и при помощи еврейских переселенцев из Голландии, Амстердамский и Гамбургский банки возникли под еврейским влиянием”.

## ”НАРОД—ХОЗЯИН” И НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Какие же выводы делает Форд из изложенных им фактов? Выводы о существовании еврейского “сверхкапитализма”. Ему нет дела до того, что изобретение финансового кредита было равноценно изобретению культурного земледелия. “Су-

ществует раса, часть человечества, — пишет Форд, — которой при появлении ее никто никогда не сказал “добро пожаловать”, но которой, несмотря на это, удалось возвыситься до такого могущества, о котором не мечтала ни одна из сильных, гордых рас, — даже Рим во времена наивысшего расцвета своей власти”.

Мистер Форд при этом, однако, не приводит ни одного примера, когда, кому и какой “гордой расе” говорили в истории “добро пожаловать”. Может быть, языческому Риму, когда он шел “в гости” к другим народам, прихватив в подарок огонь и меч? Может, “добро пожаловать” говорили средневековому мусульманскому империализму? Или христианскому колониализму? Христофор Колумб, открывший для Европы ту самую Америку, на территории которой Генри Форд построил свои автомобильные заводы, тоже не был встречен гостеприимным “добро пожаловать”.

“История евреев в Америке, — пишет Форд, — начинается с Христофора Колумба. Второго августа 1492 года более трехсот тысяч евреев были изгнаны из Испании. С того момента господствующее положение Испании начало падать. На следующий день Колумб вышел в открытое море. Его сопровождало значительное число евреев. Колумб рассказывает сам, что он много вращался среди евреев. Первое письмо, в котором он описывает свое открытие, было адресовано еврею. И действительно, чреватое событиями путешествие, которое обогатило человечество знакомством с благами второй половины земного шара, сделалось возможным только благодаря евреям. Красивая история, что путешествие это финансировалось путем заклада драгоценностей королевы Изабеллы, поблекла при свете трезвого исследования. Астрономические инструменты и морские карты были тоже даны евреями”.

Все эти “объективизмы” не мешают, однако, Генри Форду в конце заявить, что именно он является представителем “народа-хозяина”, у которого евреи находятся в “непрощеных гостях”.

Теперь, когда Генри Форд уже давно в аду, рядом с антиисинистом Адольфом Гитлером, приказавшим издать по-немецки эту его книжечку комментариев к “Протоколам”, теперь Генри Форд уже знает, кто именно хозяин на Божьей земле. Возможно, в адской духоте он до хрипоты, не зная покоя, вынужден выкрикивать евангельскую притчу о неблаго-

дарных виноградарях и о Хозяине виноградника. Притчу, которую он не удосужился внимательно прочесть на земле. То, что Форд плохой христианин, мы уже убедились. Но капиталист-то он все-таки неплохой, и разделение труда, являющееся теоретической основой современной политэкономии, — практическая основа его производства. Если уж Форду не нравится “еврейская” политэкономия, то прочитал ли он хотя бы “нееврейскую” политэкономия Адама Смита? Или “философию промышленности” Эндрю Юрэ, которая была издана еще в 1836 году? А если уж его так заинтересовал еврейский вопрос, читал ли он другие книги, помимо “Еврейской опасности” Нилуса и им подобных сочинений, о которых Владимир Сергеевич Соловьев писал следующее. “Поражаешься резким контрастам между бессодержательностью юдофобских словоизвержений, где вымышленные или же ничего не значащие единичные случаи идут вместо фактических оснований, а грубейшие софизмы и огульная брань заменяют логическую аргументацию... и “психологическими” рассуждениями, что у евреев особенно развиты сила воли, энергия, разум, семейное начало, а у русского народа есть только святость, а потому во имя своей святости и для охранения ее от еврейской энергии наш святой народ “должен так или иначе истребить евреев”. Эти рассуждения весьма напоминают “объективизмы” Форда и проистекающие из них дикие выводы. Уж не говоря о милых “комплиментах” в адрес “неевреев”.

Конечно, каждый народ несет в себе свою судьбу, свою трагедию и каждый сеет вокруг себя не только доброе, но и злое. Своеобразие еврейской судьбы делает еврейский вопрос актуальным, и только лицемеры из неосталинского агитпропа могут отрицать его существование, с тем чтоб удобней было науськивать свою антиссионистскую свору. Но и антисемиты-антиссионисты прошлого никогда не стремились разобраться в этом вопросе, пусть не с позиций юдофилов — этого от них никто не требует, — но хотя бы с позиций патриотов своего Отечества. Их отношение к этому вопросу простое. Как пишет Катков: “Кричать и свистать”.

“Взять хотя бы проблему народного пьянства и связанную с ней проблему народной нищеты. Уже в первом “Протоколе Сионских мудрецов” присутствует этот излюбленный мотив черносотенной печати. “Мы искусственным путем глубоко подорвем источники производства товаров посредством внушения рабочим анархических идей и приучим их к употреблению спиртных напитков”.

“Не ложь ли это? — отвечает черносотенцу с приклеенными пейсами Катков, — ни в Московской, ни в Тульской, ни в Рязанской и так далее губерниях нет ни одного жида-шинкаря. Но спросите у людей действительно сведущих, где народ более спивается и где крестьяне более разоряются, — в Ковенской ли губернии, в Виленской ли, в Волынской ли, в Подольской ли или в наших местах, куда евреев не пускают и где кабаком орудует православный целовальник или кулак? Пьянство в западном крае не только не более, но гораздо меньше развито, чем в остальной России и крестьянин там относительно живет не хуже, а лучше. В западном крае действительно господствует страшная нищета, но эта нищета не крестьянская, а еврейская”.

“К словам Каткова, — добавляет В.С.Соловьев, — наши антисемиты не могут относиться так, как они отнеслись бы, например, к моим собственным рассуждениям. От корифея русской “национальной политики” нельзя отделаться общими местами о либерализме, доктринерстве, идеализме”.

## ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО

Да, дискредитировать **впрямую** националиста Каткова трудней, чем либерала Короленко. Но это делают за них “сионские мудрецы”. В восьмом “Протоколе” сказано: “До наступления возможности поручать ответственные посты нашим братьям без опасности для них мы будем замещать высокие посты такими личностями, которые вырыли пропасть между ними и их народами”. То есть объевреившимися неевреями. А таковым объявляется всякий, кто отказывается “свистать и кричать” вместе с антисемитами, — все — от американских президента и правительства, которых Генри Форд назвал “определенно объевреившимися”, и до саратовского губернатора, которого князь Мещерский обругал только за то, что он издал служебный циркуляр, обязавший чиновников изучить причину неудовлетворительного экономического положения Саратовского края, вместо того, чтоб искать готовые ответы в черносотенной печати. Причем люди, подобные саратовскому губернатору, вовсе не были идейны-

ми противниками антисемитизма. Они охотно ухватились бы за антисемитизм, если бы он действительно мог помочь Отечеству. Но и в прошлом и в настоящем антисемитизм-антисионизм одним доставляет низменные плотские удовольствия, а другим помогает в определенного сорта личной карьере. Отечеству же в лучшем случае никакой пользы, в худшем же случае — прямой вред.

Мы говорим это вовсе не для перевоспитания антисемитов. Дело это безнадежное и ненужное. Владимир Сергеевич Соловьев приводит слова одного из своих знакомых, назвавшего антисемитизм неизлечимой болезнью. "Я с этим совершенно согласен, — пишет Соловьев, — и не имею ни малейшего притязания лечить кого бы то ни было от "жидобоязни". Хочу только предложить простое профилактическое средство тем людям, которыми этот тяжкий недуг еще не овладел окончательно и которые лишь более или менее предрасположены к нему". И Соловьев советует читать первоисточники, то есть антисемитскую прессу. О прессе во втором "Протоколе" говорится:

"Современные правительства держат в своих руках силу, которая создает в народе определенные настроения — прессу. Триумф свободы слова, свободы болтовни подобает прессе. Но правительства не способны правильно пользоваться этой силой, и она попала в наши руки. Дерзкие журналисты и смелые пасквильеры ежедневно нападают на высших должностных лиц правительства. Пресса должна быть поверхностна, лжива и неприлична. Мы взнуздаем прессу и затянем удила. Так же мы поступим и с прочей литературой. Никакие известия не будут делаться известными народу, если они не прошли через нашу цензуру..."

И прочее, и прочее, и так далее, и в том же духе... Честно говоря, "Протоколы" уже начинают утомлять, как однообразные шутки в затянувшейся оперетке. Вначале искренне смеешься не над их содержанием, а над их глупостью, потом радуешься собственному остроумию, дающему этим глупостям хлесткие характеристики, но постепенно начинаешь клевать носом. Уже не смешит то, что "сионские мудрецы" постоянно чрево вещают голосом черносотенного публициста, называют свободу слова — свободой болтовни или произносят монологи в лучших традициях злодеев из третьесортного

авантюрного лубка. Правда, иногда вдруг среди убаюкивающего вороньего карканья вспыхивает какая-нибудь совсем уж несусветная глупость, которая и мертвый череп заставит оскалиться. Такое происходит, когда протоколы начинают сообщать о политике партии "сионских мудрецов" в области литературы. Впрочем, начало звучит вполне логично: "В так называемых прогрессивных странах мы насадим бессмысленную, сомнительную и враждебную добрым нравам литературу". Есть народная пословица: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Оппозиционный экстремист отличается от государственного тоталитариста именно этой нетрезвой политической развязностью. Поэтому в его залихватских речах можно обнаружить иногда и пророческие высказывания. Например: "Мы заставим увеличить рабочую плату, что, впрочем, будет бесполезно для рабочих, так как в то же самое время мы увеличим цены на необходимые предметы продовольствия под предлогом падения земледелия и скотоводства".

Жизнь внесла свои коррективы и необходимые предметы продовольствия в современной антисюнистской России не всегда можно приобрести даже по увеличенной цене. Зато в избытке продукция Союза советских писателей, основой которой является толстый том-"кирпич".

"Для того, чтобы принудить писателей сочинять такие толстые книги, чтоб их никто не читал, — записано "сионскими мудрецами", — мы введем на сочинения налог, который для книг меньше тридцати страниц будет вдвое повышен. Больше всего нужно опасаться небольших статей. Чем длиннее статья, тем меньше у нее читателей. Налог будет умерять литературное самолюбие в чистом виде. С другой стороны, страх перед наказанием сделает писателей послушными".

Вообще двадцатый век доказал, что политическое мифотворчество подобного рода, как бы глупо оно не выглядело, лишено утопической воздушности. Самые нелепые фантастические проекты имеют своих технологов, воспринимаются как руководство к действию. В одни вносятся коррективы (например, налог на толстый роман-"кирпич" — воплощение бездарности как важный идеологический элемент партийной

литературы — берется не с писателя, а с читателя), но другие проекты зачастую в почти неизменном виде обрели плоть, запах, цвет.

## ВСЕМИРНЫЙ САМОДЕРЖЕЦ

Чем более читаешь "Протоколы Сионских мудрецов", чем более вглядываешься в их литературный стиль, тем более начинаешь ощущать общность их литературно-политического жанра с другими протоколами, а именно с протоколами допросов и судебных заседаний периода сталинских чисток. Особенно "ежовщины" и "бериевщины", когда на смену разгромленному полицейскому аппарату в органы безопасности пришла "большая группа молодежи, партийно-комсомольских работников", национальные кадры из глубинки. И когда обнаруживаешь подобное сходство, то смех постепенно затихает и литературно-политические глупости приобретают запах крови. Основой "Протоколов Сионских мудрецов", как и протоколов допросов во время сталинских чисток, является самооговор жертвы, подтверждающей клеветнические обвинения, возводимые на него палачами, а также косвенные комплименты в адрес собственных палачей, признание их правоты.

В своем докладе на закрытом заседании 20-го съезда КПСС Хрущев сообщает: "Вскоре после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы, в которых врачи сознавались в своей вине... Дело было поставлено таким образом, что никто не мог проверить тех фактов, на которых было основано следствие".

У черносотенно-фашистских следователей периода создания "Протоколов Сионских мудрецов" еще не было ни тюрем, ни камер пыток, жертвы еще были вне их власти, но они уже хотя бы в жанре литературно-фантастическом давали показания, угодные палачам. Однако палачи невольно навязывали жертве не только содержание показаний, но и свой литературный стиль, от которого не может избавиться ни один преступник, так же как от своих отпечатков пальцев.

Они навязывали жертве свой лексикон, свою орфографию, свои профессиональные термины, уровень своей грамотности. Наконец, они навязывали жертве свой образ мышления заговорщиков и тоталитарных убийц, они навязывали жертве свои тайные мечты.

“Наше верховное правительство, — дают показания “сионские мудрецы” в девятом “Протоколе”, — может быть названо могучим и сильным словом — “Диктатура”.

Кто в действительности установил диктатуры в двадцатом веке, общеизвестно. Но тогда, в начале века, черносотенные властолюбцы еще не до конца выработали форму диктатуры — то ли республиканскую, то ли монархическую. Во главе этой диктатуры, как сообщает толкователь протоколов Генри Форд, должен стоять или “Президент Мира” или “Всемирный Самодержец”.

Подследственный Зиновьев в тот период, когда он не был еще сломлен пытками, назвал подобное мифотворчество палачей фантазиями Жюль Верна, арабскими сказками, что крайне возмутило прокурора Вышинского. Пожалуй, Зиновьев действительно переоценил литературные возможности костоломов. Скорее их художественность родственна не ажурной вязи арабских сказок, а аляповатым ярким краскам с ковриков базарной живописи. Всякий террор красный, по цвету пролитой им крови, но палач-инквизитор и палач-мещанин, будучи едины в труде физическом, разны в труде “умственном”, то есть в пропаганде.

“Президент Мира”, кстати говоря, действительно существует, эту должность ныне занимает Ромеш Чандра, индус-антисемит. Но “Всемирного Самодержца”, о котором писали атаман Краснов и автомобильный король Генри Форд, пока нет и, будем надеяться, не будет. Ведь еще Катков предупреждал: если антисемиты кричат о еврейском заговоре, значит, они готовят свой собственный. Если в десятом “Протоколе” “сионские мудрецы” провозглашают свою мечту о “сверхправительстве”, значит, о таком международном, наднациональном “сверхправительстве” мечтают сами фашистские идеологи.

## МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОКУМЕНТ ИЛИ ФАШИСТСКИЙ ЛУБОК

Перед тем как перейти к весьма интересным выводам, которые делает из "Протоколов" комментатор Форд, хочется задать естественный вопрос: каким, собственно, образом эти "Протоколы" попали в руки обличителей? Что по этому поводу известно? Если, как пишет Форд, "государственные печатники английского правительства издали их, а английский "Таймс" признал все еврейские возражения "неудовлетворительными", если Британский музей шлепнул на них свою печать, а американские и французские чиновники занялись их изучением, то вопрос путей приобретения обличителями "Протоколов" должен быть первым. Тем более в самой антисемитской печати по этому поводу существуют весьма разноречивые версии. Форд пишет: "Кто дал название протоколам, неизвестно. Первоначально это были тщательно засекреченные конспекты лекций, которые прочел в Базеле узкой группе доверенных лиц Теодор Герцль". Хорошо. Но каким образом лекции эти оказались в руках у чистокровного антисемита Нилуса, опубликовавшего их в своем сочинении "Еврейская опасность"? Очевидно, сам чувствуя шаткость подобной версии, Генри Форд приводит и другую.

"О происхождении "Сионских протоколов" парижский журнал "La vieille France" пишет: "Сочинение, известное под именем "Тайны Сионских мудрецов", выпущенное в свет в 1905 году, принадлежит перу некоего Рабби Ашера Гинзберга, известного под именем Ахад Хаама. В девяностых годах прошлого столетия он написал его на еврейском языке в Одессе для основанного им тайного общества В'не Moshe. В 1897 году оно было переведено на французский язык и доложено на конгрессе сионистов в Базеле. Копия французского перевода в том же 1897 году через посредство начальника русской тайной полиции за границей Рачковского попала в руки русского Министерства внутренних дел. Ученый Нилус перевел ее на русский язык в 1905 году и напечатал". Все, казалось бы, установлено журналом точно. И лич-

ность написавшего "Протоколы", и город, где они писались, и когда писались, и когда были переведены на французский. И то, что они попали к агенту русской полиции Рачковскому. Как попали, правда, опять неизвестно, но зато точно установлено, что на русский язык их перевел ученый Нилус. Что он перевел, мы уже знаем, с содержанием и литературным уровнем текстов ознакомились. Даже если б Теодор Герцль решился бы нечто подобное написать, — так написать он бы попросту не смог. Это стиль не еврейских фанатиков, не талмудистов, не каббалистов. Бывают, конечно, талантливые стилизации, талантливые подделки, но при всем ворохе обвинений, ни один антисемит еще не обвинил "сионских мудрецов" в том, что они в целях маскировки подделались под стиль черносотенной публицистики. Наоборот, всячески подчеркивается именно еврейский стиль, еврейское мышление "Протоколов". Комментатор Генри Форд пишет об авторе "Протоколов", что он "был первоклассный финансист, экономист и философ", что он "любит свой народ и свою веру" и что "Протоколы" полны гордой еврейской радости".

Так могут действовать, во-первых, только клеветники, обладающие низкосортным интеллектуальным уровнем, те самые, которые несколько лет спустя соорудили "дело Бейлиса", низкосортный уровень обвинений этого "дела" отказался поддерживать даже черносотенец Шульгин. А во-вторых, так могут действовать только те, кто уверен в своей безнаказанности. Если б какой-нибудь фальшивомонетчик вздумал подобным образом подделывать денежные купюры, его схватили бы за руку в первой же мелочной лавке. В чем же причина? Профессиональный уровень политических провокаторов может быть гораздо ниже профессионального уровня фальшивомонетчиков, потому что их деятельность выгодна не только им одним. Судьба безграмотного фашистского лубка, превращенного в пусть спорный, но все-таки международный документ, лишний раз подтверждает это. Более того, напуганные революцией в России, многие даже респектабельные господа начали прислушиваться всерьез к диким

бредням черносотенного антибольшевизма господ, подобных Форду и Краснову.

Объективности ради следует признать, что этого сорта "борьба с красными" возникла задолго до "литературной деятельности" Форда и Краснова. Еще в 1848 г. во Франции начали появляться брошюры, весьма напоминающие литературный стиль диких антибольшеви́ков нашего времени. Так, в одной из них, выдержки из которой процитированы Тексилем Делором в его книге "История Второй Империи" говорится: "Красный не человек, это не более как красный, это совершенно павшее существо. Впрочем, он носит на своем лице печать этого падения: грубая, лишенная всякого выражения физиономия украшается мутными глазами, которые не смеют глядеть прямо и вечно бегают, подобно глазам свиньи".

Вспомним князя Мещерского из "Гражданина". Князя Мещерского, прозванного князем "Точка" за то, что он требовал поставить точку на всех реформах России. "Евреи не люди, а нечистые насекомые или зловредные бактерии, подлежащие истреблению".

Безусловно, это единая всемирная раса, обладающая общностью языка, но которая не столько говорит, сколько "выражается". Так что ж все-таки говорит по поводу прочитанных "Протоколов" представитель этой расы автокороль Генри Форд? Какие выводы он делает? "Русская революция является расовой, а не политической или экономической".

## ТРЕЗВОМЫСЛЯЩИЙ ГЕНРИ ФОРД

Мы уже отчасти ознакомились с представлениями Форда о развитии революции в России. Сперва "сионские мудрецы" назначили правителем России еврея Керенского, но он не справился, его уволили и заменили Троцким. Ленин женат на еврейке. Большевики выпустили прокламации на еврейском языке. Христианские церкви осквернены, тогда как синагоги оберегаются и процветают. Вместо воскресенья, назначили выходным днем субботу. Да и вообще, Совет ра-

бочих и крестьянских депутатов — это еврейская форма национального самоуправления, возникшая в Палестине в первом веке под названием “кагал”.

Мы не собираемся опровергать всех этих построений, которые живут и по сей день среди разного рода “национал-христиан”. Мы не станем приводить факты о том, что главными гонителями еврейской религии были как раз евреи-большевики, что, кроме субботы, были введены субботники и что человеческая история особенно в моменты ее крутых переломов не детская площадка, где мирок строится из лоскутков, конфетных оберточек, щепочек и камушков. Мы последуем умному совету русского философа Владимира Сергеевича Соловьева и дадим слово самому Генри Форду, ибо, действительно, лучший способ спастись от тяжелого недуга для тех, кто еще не потерял остатки здравого смысла, это повнимательней ознакомиться не только с общеизвестными краткими тезисами антисемитов, но и с их разнообразными идеями и построениями.

Второй вывод, который делает Форд из “Протоколов: *“В мире происходит борьба не между трудом и капиталом, а между еврейским и нееврейским капиталом. Причем еврейский капитал натравливает труд на нееврейский капитал с помощью своих единоплеменников-социалистов”*”.

А говоря “шершавым языком плаката”, то есть современного отдела агитации и пропаганды, — это борьба между трезвомыслящими представителями деловых кругов и военно-промышленным комплексом, поддержанным сионистским лобби. Генри Форд, по сегодняшним стандартам, вполне подходит под этого “трезвомыслящего”, тем более что он был известен также и как “борец за мир”. В начале первой мировой войны он на специальном корабле отправился из Америки в Европу, чтоб помирить воюющие стороны, которых спровоцировали “еврейские поджигатели войны”. Об этом событии написана книга Локнера “Генри Форд и его “Корабль мира””, изданная в Мюнхене в 1923 г. и переведенная на русский язык. Так что, доживи Генри Форд до нашего настоящего, вполне мог бы он лично встретиться на каком-либо конгрессе борцов за мир с живым персонажем из

“Протоколов Сионских мудрецов” — Президентом мира.

И наконец, третий вывод, все объединяющий, символический. Это вывод о тайном смысле и значении большевистского символа — красной звезды. Форд ссылается на некоего Когана, написавшего в 1919 г. статью в газете “Коммунист”. Какой Коган? В каком “Коммунисте”? Коган не Троцкий. Коганов так же много среди евреев, как Петровых среди русских. Хоть бы имя-отчество Когана привел и год рождения. Даже Мосгорсправка такого Когана не признает, а Генри Форд хочет, чтоб его признала история. И с газетой “Коммунист” тоже проблема. Не “Правда” ведь, не “Известия”. Какой губернии “Коммунист”, какого уезда? Но будем считать, что раз проблема символическая, то и пишет символический Коган в символическом “Коммунисте”. В конце концов важно не кто пишет и где пишет, а что пишет. Так что же пишет Коган?

“Можно без преувеличения сказать, что великий русский социальный переворот в действительности является делом рук евреев”.

Судя по всему, “Коган” — в лучших традициях “сионских мудрецов”, чревоващавших голосом черносотенцев, чревоващает и голосом самого Генри Форда. Он продолжает:

“Символ еврейства сделался символом русского пролетариата, что видно из принятия красной пятиконечной звезды, которая, как известно, в старые времена являлась символом сионизма и еврейства”.

“Как известно” — любимая форма доказательства советских агитпроповцев, но и они перевернуться в своих креслах от такого вывода. Действительно, когда это красная звезда была “символом сионизма и еврейства”? Очевидно, господину Форду надоела роль простого комментатора “Протоколов сионских мудрецов” и он решил написать их продолжение под именем “Коган”.

“Звезда Давида, — продолжает уже комментировать “Когана” Генри Форд, — еврейский национальный знак — есть, собственно, шестиконечная звезда, составленная из двух треугольников, из которых один покоится на своем основании, а другой на своей вершине. Ввиду того что евреи выдающиеся мастера в искусстве тайных знаков, надо думать, что большевистская звезда не без основания имеет одним концом меньше, чем звезда Давида. Пять концов звезды, то есть пять целей, за которые, по-видимому, спокойны, означают: биржу, прессу, парламент, Палестину и пролетариат”.

Мы, конечно, понимаем, что вступили даже не в область простого символизма, а скорее, политической астрологии. Вопросы задавать неуместно. Да и вряд ли "Коган" мог сообщить подобное господину Форду. В пьяном виде на извозчике и то такое вряд ли на ухо шепнешь. Такое про красную звезду могут нашептать только звезды небесные. А почему же, почему же все-таки красная звезда имеет на один конец меньше звезды Давида?

"Это значит, — сообщает Генри Форд, — что остается исполнить еще один пункт мировой программы, а именно вступление на престол "нашего вождя". С пришествием этого мирового самодержца, к чему направлено все стремление еврейской программы, конечно, будет прибавлен и шестой конец. Шестой конец будет — Князь во Израиле".

То, о чем атаман Краснов по-солдатски прямо предупреждал, автомобильный король Форд на небе вычитал. Грядет над миром власть красного моголеновида, красной шестиконечной звезды, красного сионизма.

Форд говорит о Троцком и других революционерах-евреях: "Быть может, с точки зрения синагоги, они являются и плохими евреями, но они достаточно евреи, чтоб делать то, что может увеличить славу Израиля". Что ж, о самих господах Форде, Краснове и прочих антисемитах-антибольшевиках, прошлых и нынешних, можно сказать: может быть, с точки зрения отдела агитации и пропаганды, они и плохие антисионисты, но они достаточно антисемиты, чтоб делать то, что может увеличить славу мирового коммунизма, разумеется, вкладывая в это понятие свой идейно-политический смысл современного национал-коммунизма. Ибо шестой конец красной звезды существует, но он торчит во все не там, где его нащупывает господин Форд. Шестой невидимый конец сегодняшней красной звезды — это национал-коммунизм. И действительно, это ее главный конец.

Лидеров Октябрьской революции в России можно было обвинить в чем угодно, но только не в расизме и национализме. У них был иной принцип отбора "чистых" и "нечистых", не менее аморальный, но это не расовый принцип. Наши антисемиты-антисионисты обладали и обладают, однако, чисто человеческой слабостью, которая, к сожалению, вообще не

такая уж редкость в человеческом обществе: собственные извращения они приписывают своим врагам. Представитель "народа-хозяина" господин Форд настолько вошел в расовый кураж, что слово "евреи" у него написано с маленькой буквы, а слово "русские" — с большой. Думаем, что найдется достаточно русских, которые будут не в восторге от подобных комплиментов господина Форда. Истины ради следует сказать, что и среди русских вождей, участвовавших в Октябрьском перевороте, в этом вопросе Форд не нашел бы единомышленников. Да и евреи — народные комиссары — вряд ли стали бы писать слово "еврей" с большой буквы. И если господин Форд пишет: "В евреях раса сильнее религии", — то этим он только показывает, что в нем самом его антисемитская раса всегда была сильнее его антибольшевистской религии.

С самого начала большевизм, сложившийся из разбойного материала, тяготился интернациональным авангардом. Лидеры большевизма это понимали, что видно из многочисленных постановлений и указов о погромных настроениях среди масс, на которые они опирались. Это, однако, не снимает с них ответственности и в этом вопросе. Нельзя бороться с погромами на расовой основе и в то же время поощрять погромы на классовой основе. Жизнь доказала, что классовая основа была для погромщиков явлением временным, принесенным с теоретических небес агитаторами, тогда как расовая основа была давно знакома и "землицей пахла".

Антагонизм между "телом" и "головой" большевизма был не только в этом. Это был старый, знакомый антагонизм между революционным политруком-интеллигентом и революционной партизанской толпой, желавшей выдвинуть своих атаманов.

## ШЕСТОЙ КОНЕЦ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Всякий процесс, в том числе и революционный, можно по-настоящему анализировать в его устоявшейся, стабильной, консервативной части. Недаром сегодняшние фальсифика-

торы русской революции любят плавать в ее неустойчивом бурном русле и стараются не заплывать на ее устоявшуюся грядь. Еще бы! Среди правителей России Форд и его последователи не увидели бы еврейских комиссаров. Национальный же состав не только что политбюро, но самого захудалого "кагала" — райсовета удовлетворил бы придирчивые требования такого эксперта в расовом вопросе, как атаман Краснов, ибо в сегодняшней России антисемитизм является негласным признаком лояльности режиму. Им пришлось бы признать, что нынешнее правящее сословие России, возникшее в результате Октябрьской революции, не отличается ни социально, ни национально от основной массы "народо-хозяина". Это правящее сословие, кровными узами связанное с социальными низами, хоть и эксплуатирующее их, закрепило результаты Октябрьского переворота. И закрепило не благодаря марксистской интернациональной доктрине, а вопреки ей.

Подобное положение, однако, не означает, что марксизм в нынешней России стал лишним элементом власти, ее рудиментом. Имя свое человек получает при рождении, получает в бессознательном состоянии. Оно может не нравиться, но избавиться от него невозможно без тяжелых психологических последствий. Ибо имя человека не просто слово, а символическое его обозначение, часть его психологии.

Подавляющее большинство учреждений ранних большевиков твердо стояло на земле, однако их символ, их имя — пятиконечная красная звезда сияла в небесах, утопически возвещая интернациональное братство. Зрелый большевизм сталинского образца опустил этот символ на землю. Но все живущее на земле в отличие от небожителей должно иметь корень. Таким корнем заземленной красной звезды, ее шестым концом и стал национал-коммунизм, в котором черносотенная раса взяла верх над своей марксистской религией.

*Западный Берлин, 1981.*